

дель, находящаяся в весьма опосредованной связи с реальностью языка. Исследователь постулирует различные языковые пространства, исходя не только из объективного строения языка, но и из тех конкретных задач, которые он перед собой ставит. Характер, границы и число лингвистических пространств определяются не только онтологическим, но и – в определенной мере – прагматическим фактором. Описывая факты языка, исследователи не выявляют (как объективную данность), а постулируют (как операциональный объект, т.е. модель) очередное пространство. Это не непосредственно сам изучаемый объект, а, так сказать, его «препарат», созданный для удобства изучения объекта.

Такова в общих чертах, специфика применения пространственных категорий в науке вообще и в языкознании в частности. Изложенное в нашей статье толкование этой специфики призвано способствовать повышению методологической корректности использования пространственных категорий и устранению многих связанных с ними полемических недоразумений.

Литература

1. Кунин А.В. Английская фразеология. М. : Высш. шк., 1970.
2. Лем С. Голем XIV // Мнимая величина. М. : АСТ, 2004. С. 109 – 286.
3. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М. : Сов. писатель, 1978.
4. Шалютин С.М. Искусственный интеллект. М. : Мысль, 1985.
5. Concise Oxford Dict-ry of Current English. Clarendon Press, 1969.
6. Stewart A.H. Graphic Representation of Models in Linguistic Theory. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1976.

Space as a methodological category of linguistics

There is described the system of linguistic terms designating spatial concepts, proved that the language means of their designation are not metaphorical, described the role of spatial concepts in modelling linguistic objects, discussed the ways of their correct usage in linguistics.

Key words: *space, dimension, polymeric, metaphor, modelling.*

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

ДИСКУРСИВНАЯ ТАКТИКА ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ: ПРЯМЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ В НАЛИЧНОЙ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ

Описаны психический эпицентр, мотив, цель, стратегии и тактики vindиктивного дискурса, освещена тактика злопожелания как структурная составляющая названного вида заковой деятельности. Анализируются прямые формы объективации данной тактики в наличной конфликтной ситуации общения.

Ключевые слова: *концепт «месть», vindиктивный дискурс, стратегия проклятия, тактика злопожелания, прямые формы объективации.*

Эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном обыденном сознании ключевым словом *месть*, находит выражение не только в предметно-практической, но и в появившийся на ее основе знаковой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как vindиктивный дискурс (далее – ВД) [9, с. 7 – 8].

Глубинным психологическим мотивом данного вида знаковой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного) пространства. Реализуется данная целевая установка в стратегиях устрашения и проклятия и соответствующих им тактиках угрозы, а также изгнания, поругания и злопожелания. Поскольку целевая установка ВД сводится к установлению вышеназванной границы, а последняя в конечном счете определяется волей осуществляющего знаковую деятельность субъекта, то тактику злопожелания (как, впрочем, и другие структурные составляющие изучаемого вида знаковой деятельности – тактики угрозы, изгнания и поругания) можно рассматривать как вспомогательный способ (или прием), который используется этим субъектом для утверждения своей воли.

Тактика злопожелания представляет собой знаково оформленный акт волеизъявления (а в наличной конфликтной ситуации общения – директивно-экспрессивный акт), нацеленный субъектом ВД на лишение своего оппонента жизни или причинение ему физических и / или моральных страданий.

Изучаемая тактика (как и другие тактики ВД) реализуется в прямых и косвенно-производных формах. К прямым формам ее объективации мы относим высказываемые субъектом ВД заклинания, которые основываются на принципе гомеопатической магии «подобное производит подобное» и представляют собой логические доказательства желаемого через моделируемое или действительное (например: *Как на восине лисця вянуць, так пусь у злодея руки, ноги отсохнуць*), а также обращение к неким могущественным силам природы просьбы или мольбы (помочь) причинить оппоненту вред (например: *Окаянные духи, придайте мне силы, помогите и пособи́те мне, чтобы не было (имярек) ни в день життя, ни в ночь спанья, ни в час моготы, ни в полчаса терпежу; ...Еще дай, да божже-господи, / Ему в дом жену не умную, / Плодить детей неразумных! ... и др.*) [9, с. 246 – 259]. Все эти формы использовались субъектом ВД вне наличных конфликтных ситуаций общения, т.е. в тех случаях, когда изучаемая тактика оставалась в чистом виде актом волеизъявления, которым он стремился нанести вред своему оппоненту, оставаясь вне поля его зрения.

Полагаем, что если в состояниях повышенного эмоционального напряжения субъект ВД испытывал потребность выражать злопожелания в лицо своим оппонентам и данная потребность реализовывалась в наличных конфликтных ситуациях общения, то имело место изменение коммуникативно-прагматического статуса изучаемой тактики, а это, в свою очередь, обуславливало и изменение лексико-грамматических параметров представляющих ее форм. Попробуем обосновать данное предположение и для начала рассмотрим следующий пример – фрагмент текста предания «Как Алеша Тугарина Змеевича победил»:

Приехал добрый молодец в Киев ко князю ко Владимиру, пришел в белокаменные палаты, крест кладет по-писаному, покланяется по-ученому на все четыре стороны. Посадила князь его за дубовый стол, начал Алеша есть пряники печатные, запивать винами заморскими, а потом пошел на кирпичную печь отдохнуть.

На ту пору наехал Тугарин Змеевич – неодолимый богатырь. Всю рать разогнал, в па-

латы княжеские вломился, сам сел за дубовый стол, сам с княгиней обнимается, а над князем Владимиром ругается.

Кладет ковригу за щеку, а другую – за другую кладет, на язык кладет белого лебедя, пирогом пропихнул – да все и проглотил.

Говорит тут Алеша Попович с кирпичной печи такие слова:

– Было у нашего батюшки у Леонтия коровище, было обжорище, съедало целые кадцы пивоварные с гуцею, выпивало пол-озера, да в одночасье и разорвало обжорище надвое. Так бы и тебя, Тугарин, разорвало за столом! [4, с. 11 – 13].

В этом примере высказывание Алеши представляло собой основанный на принципе гомеопатической магии «подобное производит подобное» акт волеизъявления. Данный акт, осуществляемый в наличной конфликтной ситуации общения, позволял ему кроме преследования цели, связанной с физическим уничтожением противника, оказывать еще и деструктивное воздействие на его эмоциональную сферу; иными словами, злопожелание помимо директивной обретаало еще и экспрессивную функцию или, если пользоваться терминами теории речевых актов, становилось директивно-экспрессивным речевым действием. Производством говорящим подобного рода действий в наличных конфликтных ситуациях общения требовало от него оперативности, что, как представляется, вызывало, в свою очередь, необходимость семантической редукции соответствующих заговорных формул и при определенных лексико-грамматических изменениях воспроизводства лишь тех их компонентов, которые эксплицировали цель производимого действия. Так, можно предположить, что по вышеназванной причине в наличных конфликтных ситуациях общения вместо развернутых, основанных на доказательстве желаемого через моделируемое (действительное) заговорных формул, начинали употребляться лишь их модифицированные рематические части, например: *Было у нашего батюшки у Леонтия коровище, было обжорище, съедало целые кадцы пивоварные с гуцею, {...}, да в одночасье и разорвало обжорище надвое. Так бы и тебя, Тугарина, разорвало за столом* => *чтоб / хоть бы тебя разорвало.*

Думается, что аналогичные изменения могли происходить и с такими формами воплощения тактики злопожелания, которые представляли собой обращенные говорящим к неким могущественным силам просьбы или мольбы (помочь) причинить оппоненту вред,

например: *Окаянные духи, {...} помогите и поспособите мне, чтоб не было (имярек) ни в день житья, ни в ночь спанья...*» => *чтоб не было тебе ни в день житья, ни в ночь спанья...*

Некоторые, как мы полагаем, преобразованные заговорные формулы сохранили имена тех могущественных сил, к которым субъект ВД обращался за помощью в превращении желаемого в действительное: *чтоб разразил тебя Перун, черт бы тебя взял, леший бы тебя утащил, водяной бы тебя подхватил*, а также *разрази тебя Перун, черт тебя возьми, уведи тебя леший, подхвати тебя водяной*. Последние из приведенных устойчивых речевых структур характеризуются двойной адресацией и необычным синтаксисом [1], что дает основание полагать, что они являются продуктами контаминации выражений, одни из которых представляли собой обращенные субъектом ВД к могущественным силам просьбы или мольбы (помочь) причинить оппоненту вред (например: *черт, возьми его*), а другие являлись переориентированными на реципиента трансформациями первых (например: *черт бы взял тебя*). Объединение в речевом потоке структурных элементов двух близких по значению выражений *черт, возьми его* и *черт бы взял тебя*, возможно, и сформировало словесную формулу *черт тебя возьми* и под.

Вышеизложенные рассуждения, однако, не означают того, что все использовавшиеся субъектом ВД в наличных конфликтных ситуациях общения магические формы воплощения тактики злопожелания являлись рудиментами более сложных заговорных формул, представлявших собой логические доказательства желаемого через моделируемое (или действительное) или обращенные к могущественным силам просьбы или мольбы (помочь) сделать желаемое действительным. Некоторые из них (например: *Сгинь / пропади (нечистая)!*, *Соль в глаза! / Песок в очи!*, *Держачь (тебе) в зубы! / Типун (тебе) на язык!* и др.) могли изначально предназначаться для быстрого реагирования на внезапно появившуюся опасность и, следовательно, не могли быть составными частями более сложных заговорных формул (близкие к высказываемой точке зрения см. в [7; 2]).

Приведенные вербальные формулы использовались субъектом ВД как обереги или средства защиты от противника и в самой полной мере соответствовали оборонительному принципу, согласно которому лучшей защитой является нападение (т.е. нанесение превентивного удара по угрожающему объекту или уда-

ра в ответ на совершаемое или совершенное им какое-либо агрессивное действие).

Первая из приведенных словесных формул – *Сгинь / пропади (нечистая)!* – использовалась субъектом ВД для уничтожения своего оппонента (глагол *сгинуть* означает «погибнуть, загинуть, пропасть, сгаснуть, уничтожиться» [5, т.4, с. 163]). Две другие словесные формулы – *Соль в глаза!* или *Песок в очи!* – являлись средствами защиты от сглаза и употреблялись субъектом ВД для того, чтобы лишить глазливого человека на определенное время возможности орудовать своим взглядом [7].

Последние из приведенных словесных формул – *Держачь (тебе) в зубы!* и *Типун (тебе) на язык!* – использовались субъектом ВД для нейтрализации негативных последствий сказанного его собеседником и ориентировались на то, чтобы лишить последнего способности говорить (держачь – это «голый веник» [5, т. 1, с. 432], а типун – птичья болезнь, хрящеватый нарост на кончике языка (Там же, т. 4, с. 405); можно сказать, что первая формула была направлена на создание физических помех говорению, а вторая формула фактически являлась насыщением болезнью и предполагала создание физиологических изменений языка, препятствующих речепроизводству).

Восходящие к древнейшим заговорам формы представления тактики злопожелания встречаются и в современной практике социального взаимодействия. Они находят себе применение прежде всего в обыденной сфере общения, где используются говорящим в качестве реплик-реакций на противоречащее его воле поведение коммуниканта:

[Красавина:] Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было! (А.Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь).

Построенные по моделям древних заговоров прямые формы объективации тактики злопожелания встречаются, хотя и нечасто, и в институциональной сфере общения: в протестном поведении демонстрантов, выступающих с лозунгами *Мэра города – под суд!*, *Губернатора – в тюрьму!* и др., или футбольных болельщиков, использующих устойчивую речевую структуру *Судью – на мыло!* Авторы приведенных высказываний, объективирующих тактику злопожелания, вряд ли верят в то, что после их произнесения желаемое превратится в действительное. Принципиальное отличие заклинаний от коррелирующих с ними обыденных пожеланий, как отмечает А. Вежицкая, заключается в том, что первые предпо-

лагают могущество слов, а вторые – их бессилие [3, с. 271]. Данный тезис, однако, не означает того, что особое состояние сознания, в котором слово обретает властную силу и овладевает сутью вещей, является пережитым человеком на определенном этапе своего развития и навсегда забытым. Среди носителей русского этнокультурного сознания и сегодня немало убежденных в том, что злопожелания имеют свойство сбываться (см., напр., данные опроса информантов, проведенного Е.Е. Самойловой, [8]). Более того, согласно существующим народным поверьям, говорящий может наслать на своего оппонента несчастье и тогда, когда использует формы представления тактики злопожелания для его поругания. А еще, как гласит народная мудрость, насылаемые говорящим на кого-либо несчастья имеют свойство к нему же и возвращаться [4; 6]. Возможно, благодаря таким сложившимся на ранней стадии развития русской (и шире – европейской) культуры и дошедшим до наших дней поверьям о могуществе слов и обратимости злопожеланий использование прямых (впрочем, как и косвенных) форм представления изучаемой тактики в современной практике социального взаимодействия является весьма ограниченным.

Итак, к прямым формам объективации тактики злопожелания следует относить и самые разные, предназначенные для использования в наличных конфликтных ситуациях общения, оптативные конструкции, которыми субъект ВД стремится нанести своему оппоненту вред и одновременно оказать деструктивное воздействие на его эмоциональную сферу: *чтоб ты сдох, чтоб у тебя язык отсох, черт бы тебя побрал, пропади ты пропадом* и др. Все они обеспечивают оперативность и недвусмысленность речевого поведения.

Литература

1. Адоньева С.Б. «Я» и «ты» в ритуальном тексте: ситуация границы // Пограничное сознание: альманах «Канун». СПб., 1999. Вып. 5. С. 47 – 74.
2. Богатырев П.Г. Народная культура славян / сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин; под. общ. ред. Е.С. Новик. М. : ОГИ, 2007.
3. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 251 – 275.
4. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. М. : Изд-во «Эксмо», 2006.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1979.
6. Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды. М. : Изд-во «Эксмо», 2003.

7. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М. : Индрик, 2002.

8. Самойлова Е.Е. Проклятия как форма конвенционального поведения. URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/samoilova3.htm> (дата обращения: 20.12.2006).

9. Чесноков И.И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.

The discursive tactics of evil wish: direct forms of presentation in the face-to-face conflict communicative situation

There is described the mental epicentre, motive, aim, strategies and tactics of the vindictive discourse. There are covered the tactics of evil wish as a structural component of the above mentioned type of speech activity. There are analyzed the direct forms of presentation of these tactics in the face-to-face conflict communicative situation.

Key words: *concept “revenge”, vindictive discourse, strategy of curse, tactics of evil wish, direct forms of presentation.*

Н.Н. ОСТРИНСКАЯ
(Волгоград)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На материале французского языка дан анализ некоторых семантико-синтаксических особенностей аргументации в художественном произведении.

Ключевые слова: *аргументация, аргументативная функция, художественный текст, сюбжонктив, наклонение.*

Аргументация представляет собой определенную интеллектуальную деятельность, которая относится к области рационального познания и общения. Рациональная составляющая процесса убеждения связана с уме-